

ПОЭТИКА СНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА И ЛЕРМОНТОВА. СОН ТАТЬЯНЫ И СОН МЦЫРИ

Полякова Екатерина Андреевна,
*студентка второго курса,
направление подготовки
«Филология (русский язык)»
ВИ-ШРМИ ДВФУ*

**«Я видел сон, который не
совсем был сон...»
Байрон**

Существует целый ряд исследований, посвященных мотиву сна и поэтике сновидения в русской литературе. Большинство исследований посвящено анализу снов в произведениях лирических или драматических жанров, как например, исследования литературоведов М.В. Тростниковой («Мотив сна в поздней лирике М.Ю. Лермонтова», 1990 г.) и Д.А. Нечаенко («Сон, заветных исполненный знаков», 1991 г.). Сцены «сна» представляют собой своеобразный текст в тексте, сюжет, который может быть пересказан и истолкован и который влечёт за собой определённый комплекс мотивов. Актуальность исследования поэтики сновидений обусловлена неослабевающим интересом современного литературоведения к некой «психологии бессознательного», к тому символизму, характерному образам сна. Вместе с тем проблема сновидческого текста остаётся одной из наименее изученных.

Целью данного исследования является попытка выявить функции эпизода сна в художественном тексте, а также истолковать символы в снах. Это позволит нам углубить интерпретацию выбранных эпизодов в контексте всего замысла произведения и сделать вывод относительно поэтики сна в творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Для достижения поставленной цели мы собираемся решить следующие задачи: во-первых, изучить работы тех исследователей, которые уже давали комментарий сценам сна Татьяны и сна Мцыри; во-вторых, провести собственный анализ обозначенных сцен с тем, чтобы проследить функции снов и символику образов в них; в-третьих, сопоставить поэтику сна избранных произведений и сделать вывод относительно реализации данной поэтики в творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Разберём эпизод сна Мцыри. Упав в бессилии возле святой обители, Мцыри видит сон, в котором в *символических*, ярких образах передаются его страдания, горькое сожаление о неудавшемся побеге, прорыв к свободе. Герой видит себя на дне глубокой чистой реки. Вокруг него вьются «рыбок пестрые стада», одна из них, с золотой чешуей, «серебристым голоском» начинает шептать ему «странные речи», уговаривая остаться – «в воде привольное житье».

Хотелось бы отметить то, что сон этот является следствием бесплодных усилий Мцыри, его тяжелых скитаний. Он отражает прежде всего «физическое состояние героя», его бессилие, болезнь и усталость. Мучимый жаждой, голодом и страшной жарой, герой мечтает об отдыхе и прохладе. Это отмечает исследователь А.С. Немзер. Однако, он также замечает, что смысл этого сна гораздо глубже. Река, на дне которой находится герой, на наш взгляд, ассоциируется в его сознании с монастырем, рыбка – с монахом, который наиболее близок к Мцыри. Жизненное пространство Мцыри ограничено монастырём точно так же, как река ограничивает пространство своих обитателей. Стада рыбок напоминают ему о монахах, братьях, живших вместе с ним в обители. Перекликаются с этой ассоциацией и «странные речи» золотой рыбки:

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

*Я созову своих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.*

«Сестры» здесь напоминают о «братьях», то есть монахах, живущих в монастыре. Рыбка с золотой чешуей пытается уговорить Мцыри остаться на дне, где «привольное житье», «холод и покой», мягкая постель, где «незаметно пройдут года» «под говор чудных снов». Так же тихо и неспешно течет жизнь и в монастыре, так же, вероятно, уговаривал Мцыри приютивший его монах, видя боль и страдания ребенка. В обители Мцыри фактически не имеет никаких прав, он не может их отстаивать. Ассоциативно здесь приходит на ум поговорка: «нем, как рыба». В метафорической форме сон этот отражает разочарование героя от его неудачного побега, его сожаление.

Однако, в критике мы находим и иное истолкование данного эпизода. По мнению Д. Максимова, сон Мцыри вводит в поэму мотив забвения, ухода от своего идеала в мир мечты, волшебного сна. Рыбка как будто предлагает измученному жизнью герою альтернативный вариант – уйти от жизни «в мечтательное безволие», капитулировать перед ней и тем самым фактически примириться с жизнью в монастыре. Мотив свободы, появляющийся во сне, является романтическим элементом. «Рыбка-русалка» – второй женский образ поэмы (первый – грузинка). Эпизод с рыбкой по своему композиционному значению аналогичен некоторым другим повторным темам произведения, например, темам дня и ночи: на совершенно новой основе в нём повторяется эпизод с грузинкой. «Образ грузинской девушки и вид её сакли смущает юношу мыслью о сладости любви и отдыха. Рыбка-сирена манит Мцыри космической безмятежностью и бездонным покоем полного растворения в природе...» – замечает исследователь.

Мотив сна является одним из самых распространенных и устойчивых во всей мировой литературе, но в особенности в те

периоды её развития, которые характеризуются повышенным интересом к устремлённости к идеалу, находящемуся за пределами земной реальности, что свойственно прежде всего романтическому типу мышления. По мнению критика В.В. Ванслова, «резкое несоответствие мечты и жизни, в результате которого мечта остаётся нереализованной, а жизнь чуждой “сладким грёзам и возвышенным снам”, представляет собой типичную особенность романтического искусства».

Имеет свое объяснение у исследователя этого текста Н.Н. Страховой и умиротворенное, радостное состояние героя («так сладко, любо было мне...»). Известно, пишет Н.Н. Страхова, что чувства и эмоции, испытываемые человеком во сне по отношению к чему-либо, передают его диаметрально противоположные чувства, испытываемые им наяву по отношению к тому же самому предмету. Спокойствие и радость героя здесь не что иное, как его беспокойство, безысходная тоска, которую он испытывает в монастыре. Однако автор истолковывает сны литературных героев как психоаналитик, акцентируя внимание на психологических деталях, не исследуя при этом художественные функции литературного сна. Но, стоит отметить, что основное внимание учёный уделяет именно психологическим деталям, способствующим раскрытию содержания образов, не делая при этом практически никакого различия между литературными снами и снами как явлением физиологическим, опуская существенный факт, что сон героя, как и его психологическая жизнь, созданы автором.

Наше мнение совпадает с мнением исследователей А.С. Немзера и Д.Е. Максимова, и мы придерживаемся их анализа сна Мцыри. Придерживаться точки зрения только одного исследователя мы не можем, так как они раскрывают сон с разных сторон.

Композиционно и стилистически эпизод сна Мцыри выделяется из всей поэмы, ритм которой очень чётко и динамичен, интонации эмоциональны и экспансивны. Эпизод же сна отличается плавностью и созерцательностью, спокойным,

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

убаюкивающим ритмом. Напевность и мелодичность речи усиливают аллитерации («Как лед холодная струя, /Журча, вливалась мне в грудь...»), эпитеты-определения («холодная струя», «таинственная мгла», «рыбок пёстрые стада», «взор её зеленых глаз», «дух усталый»), анафора («Люблю как вольную струю, /Люблю как жизнь мою...»).

Таким образом, функции сна в поэме различны: раскрывая основную идею произведения – бескомпромиссность человеческого идеала, – сон ярко характеризует Мцыри, передаёт его чувства и мысли о собственной судьбе, предваряет будущие события. Также сон является переломным моментом в произведении. Поэма делится на «до» и «после».

Обратимся теперь ко сну Татьяны. В романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» огромное место отведено образу Татьяны Лариной. Эта девушка – «милый идеал» Пушкина. Для более глубокого раскрытия образа Татьяны большое значение имеет её сон во время святочных гаданий. Татьяна решила во время святок гадать вместе с крестьянскими девушками. Естественно, объектом её интересов был Евгений Онегин. Ночью девушке снится глубоко символический сон. Она видит себя на заснеженной поляне:

*В сугробах снежных перед нею
Шумит, клубит волной своею
Кипучий, темный и седой
Поток, не скованный зимой...*

Татьяна с трудом переходит через ручей. Вдруг героиню начинает преследовать медведь. Он взваливает Татьяну на спину и приносит к домику в лесной глуши. Войдя в дом, Татьяна видит за столом различных монстров, уродцев и среди них Онегина. Причём она отмечает, что Онегин – хозяин этого дома. Кроме того, Онегин, реакции которого совершенно непредсказуемы, пока ещё для Татьяны загадка, он окружён неким романтическим ореолом. И в этом смысле он не только «чудовище», он – «чудо», поэтому герой в этом сне окружён причудливыми существами.

Евгений спасает героиню от нечисти, уводит её «в угол и слагает её на шаткую скамью». Вдруг перед ними появляются Ольга и Ленский. Онегин убивает Ленского ножом. После этого страшного события Татьяна проснулась с ощущением, что сон имеет большое значение в её жизни. Безусловно, это так. Этот эпизод смещает в романе сюжетные акценты: с отношений Онегина и Татьяны внимание читателя переключается на отношения Онегина и Ленского. Сон Татьяны открывает нам её внутренний мир, сущность её натуры.

Во сне Татьяны активно используются фольклорные мотивы и образы: приснившийся медведь, по народным поверьям, предвещает неожиданность. Переход по мостику через ручей означает скорое замужество. Важно, что во сне счастьем Татьяны с Онегиным препятствует появление Ольги и Ленского. В реальной жизни дуэль двух бывших друзей и смерть Ленского убили надежды Татьяны на любовь и семейное счастье.

Сон этот предваряет и будущие именины в доме Лариных. Исследователь Д.Д. Благой считал, что «застольные» картины из сна героини перекликаются с описанием именин Татьяны:

*Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов.*

Во сне и в реальности Онегин, пожалуй, единственный «живой», «настоящий» человек из всех присутствующих. И Татьяна чётко ощущает его «непохожесть» на остальную безликую массу. Именно на праздновании именин Татьяны Онегин решает позлить Ленского, заигрывая с его возлюбленной. Между бывшими друзьями назревает серьёзный конфликт, разрешением которого станет смерть молодого поэта.

Сон Татьяны показывает глубокую народность главной героини и подсказывает читателю дальнейшие события произведения. Стоит отметить, что он вызывает у нас различные

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

литературные ассоциации. Сам сюжет его – путешествие в лес, тайное подглядывание в маленькой избушке, убийство – напоминает нам пушкинскую сказку «Жених», в которой героиня выдает за свой сон происшедшие с ней события. Со сказкой перекликаются и отдельные сцены сна Татьяны. В сказке «Жених» героиня слышит в лесной избушке «крик, хохот, песни, шум и звон», видит «разгульное похмелье». Татьяна тоже слышит «лай, хохот, пенье, свист и хлоп, / Людскую молвь и конский топ». Однако сходство здесь, пожалуй, этим и исчерпывается.

Известно, что сон являет собой скрытое желание человека. И в этом отношении сон Татьяны знаменателен. Она видит в Онегине своего спасителя, избавителя от пошлости и серости окружающего враждебного мира. Во сне Татьяна остается с героем наедине:

*Мое! – сказал Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдруг;
Осталась во тьме морозной
Младая дева с ним сам-друг...*

Сон Татьяны в романе имеет собственную композицию. Здесь мы можем выделить две части. Первая часть – это пребывание Татьяны в зимнем лесу, её преследование медведем. Вторая часть начинается там, где медведь настигает её, это посещение героиней избушки. Каждая из строф данного отрывка (и всего романа) построена по единому принципу: «тема – развитие – кульминация – и афористичная концовка». В этом эпизоде Пушкин использует эмоциональные эпитеты («чудный сон», «печальной мглой», «дрожащий, гибельный мосток», «на досадную разлуку», «боязливыми шагами», «в нахмуренной красе», «нестерпимый крик»); сравнения («Как на досадную разлуку, Татьяна ропщет на ручей»), инверсии, эллипсис («Татьяна в лес; медведь за нею»), анафору и параллелизм. Лексика данного отрывка разнообразна. Здесь есть элементы разговорно-бытового стиля («кряхтя», «мордой»), «высокого», книжного стиля («дева», «светил ночных», «меж дерев», «очи»), славянизмы («младая»).

Итак, мы видим, что сон Татьяны выступает как средство её характеристики, как композиционная вставка, как «пророчество», как отражение потаённых желаний героини и потоков её душевной жизни, как отражение её взглядов на мир.

Таким образом, проанализировав эти сны, мы видим актуальность проблемы соотношения художественного метода Пушкина и Лермонтова, но это тема для дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Мануйлов, В. А. М. Ю. Лермонтов. Семинарий / В. А. Мануйлов. – Л., 1960. – 461 с.
2. Максимов, Д. Е. Проблематика и символика поэмы Лермонтова Мцыри / Д. Е. Максимов // Поэзия Лермонтова. – М.; Л., 1964. – С. 178–246.
3. Ходанен, Л. А. Поэмы М. Ю. Лермонтова. Поэтика и фольклорно-мифологические традиции / Л. А. Ходанен. – Кемерово : Кемеровский госуниверситет, 1990. – 92 с.
4. Немзер, А. С. Поэмы М. Ю. Лермонтова / А. С. Немзер. – М. : Книга, 1989. – 129 с.
5. Благой, Д. Д. Пушкин А. С. / Д. Д. Благой // Большая советская энциклопедия. В 51 т. Т. 35. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1955. – С. 336–345.